

Глава XXXII

Отворяющая двери Мистеру Брòбити

Тупоголовый Сапсеа, несмотря на громадный объём своего Великого Ума, был одарён по примеру многих, более простых смертных свояком. Это необычайное обстоятельство случилось вследствие того, что Мисс Брòбити, покойная Мистрисс Сапсеа, – пожелая в недобрый для нее час заглянуть поближе в самую квинт-эссенцию¹ Сапсеавского Ума против желания своего брата Соломона или, скорее, Сòля, как звали его все знакомые, – сочеталась узами законного брака с этим Великим Человеком. Но Мистер Сапсеа и тогда даже не позволил обыкновенным вульгарным обычаям коснуться до него; и милостиво допуская в случае надобности только то, что, по причине существовавшей на земле Мистрисс Сапсеа, брат ее Соломон, находясь с нею до некоторой степени в родстве, действительно имел вследствие сего некоторое право похвалиться тем, что на него обрушилась великая честь иметь его, Мистера Сапсеа, зятем, но никак не считать себя, Соломона, «сваяком».

Мнение Мистера Сапсеа о всём семействе преставившейся супруги – не выгодное для Брòбити. Повторяя его собственное выражение, члены оногo не принадлежали к представителям «Ума».

Если иногда случалось какому-нибудь дерзкому смертному намекнуть о семействе Брòбити в присутствии его, то Мистер Сапсеа тотчас же принимал ораторскую позу и объявлял во всеуслышанье следующее:

«В этом семействе нет той глубины интеллектуальной силы, которая необходимо требуется для приличного воззрения на Необыкновенный Объём Ума. Аналитические способности в нём не развиты. Материя всегда берёт у них перевес над Духом. Одним словом, в них во всех недостает того, что я называю “Округленностью Ума”!»

И при этом Мистер Сапсеа всегда закрывал глаза, как бы желая дать понять слушателю, что он должен стараться, так сказать, совершенно пропитаться этим последним выражением как удивительнейшим результатом Сапсеавского глубокомыслия. Немного погодя Великий Человек снова начинал:

«Этелинда² была единственным членом семейства Брòбити, имеющим дар распознавать Ум. Эта врождённая способность и привела её к согласию переменить свое девственное имя на имя Сапсеа.³ Неизбежным последствием этого недостатка в подобном даре у одних и полного развития оногo у другой было то, что я почувствовал в себе равнодушие ко всем ее родственникам и – полное уважение к ней самой. Заметьте, я не говорю, чтобы даже она имела ум, совершенно подходящий к моему Уму, – никакой Брòбити не доходил до подобного сравнения; но искупающее ее качество состояло в том, что она понимала, умела оценить Великий Ум; и поэтому-то Этелинда Брòбити и сделалась до самого своего последнего дня Этелиндой Сапсеа!»

После такого необычайного вывода Сапсеа погружался в молчание, дабы дать необходимое время слушателю переварить великие мысли, выраженные его словами, и, выждав удобную минуту, снова продолжал так:

«Об родительнице Этелинды я не стану говорить – она женщина, – и тон Сапсеа заставлял предполагать самого недогадливого, что презрение говорящего было велико к слабейшему полу. – Да, она женщина, – повторял сей даровитый муж внушительно, как бы опасаясь, что собеседник его, приняв Мистрисс Брòбити за особу противоположного пола, испортит тем желаемый эффект заявления. – Но об Этелиндином брате Соломоне скажу следующее: для него не может быть ни малейшего извинения. Быть может, я не прав, высказываясь так. Быть может также, что *сильному* не следует нападать на *слабейшего*. Но иногда этого избежать невозможно. Есть такие минуты, что Разум принуждён заявлять о самом себе, невзирая на мелочные щепетильности,⁴ – теперь одна

---

¹ квинтэссенцию (англ. quintessence).

² Англ. Ethelinda.

³ Далее зачеркнуто: *Таким*.

⁴ Далее зачеркнуто: *и*.

из подобных минут. И я повторяю, что для него нет извинения. Он мог бы многому научиться у меня, но не захотел».

Существовало, впрочем, одно замечательное обстоятельство, которое подавало знающим об нём слушателям Мистера Сапсеа некоторый повод думать, что не один только факт невежественного нежелания Соломона поучиться Уму у зятя его служил ему преградой в справедливой оценке брата Этелинды. Много сплетен ходило по старинному городку во время сватовства про Клоистергэмского Аукционера. Говорили наверное, что Соль Бробити оказывал упорное сопротивление касательно супружеских наклонностей сестры своей.

«Одно имя, – говорил очень искренно Соль, – так и напоминает всякому о какой-то аптекарской траве, но когда подобное имя соединено с подобным человеком, то первая обязанность всякого любящего брата заявить сестре, что она просто – дура!»

Мистер Сапсеа никогда не забывал этой непочтительной против подобного «Ума» выходки, которая дошла до него в очень скором времени, и поэтому, не забывая выходки, не забывал и высказывать свое презрение к Солью.

В настоящее время нашего рассказа Соль – костлявый, высокий джентльмен лет шестидесяти с широкими рыжими бакенбардами, имеющими положительное поползновение вращаться ему концами в нос, как бы с намерением игриво пощекотав его, успокоиться затем под широкою тенью сего органа, величественно выставляющегося далеко вперёд. Голова Мистера Бробити была когда-то покрыта густыми волосами того же цвета, как и баки, но неумолимая рука времени пообтёрла её до такой степени, что теперь она лоснилась и сияла, как стеклянный шар на солнце. Соль – старый холостяк, и на все насмешки знакомых постоянно отвечал, что не чувствует ни малейшего желания идти по следам великого мореплавателя Христофора Колумба и открывать по примеру его *terra incognita*⁵. А так как всякая женщина со дня рождения его представлялась в его глазах чем-то непонятно-таинственным, то он и не желает возиться с тем, чего он не может понять. Никогда еще на веку его, добавлял он, не случилось ему понять женщины. Он прожил с матерью своею шестьдесят лет и не понимал её еще; было время, когда он льстил себя надеждою, что вполне понял сестру, и вдруг она огорошила его более чем когда-либо, выйдя замуж за Сапсеа, и с тех пор он отказался от надежды разгадать женский характер, который, по его словам, был живой загадкой, посланной на землю чертом для вящего мучения мужского мозга.

Соль жил с матерью на Высокой Улице; последняя личность эта мало заявляла о себе в Клоистергэме, так как ей было лет под девяносто. Характеристические семейные черты, отличающие Мистрисс Бробити, были слепое боготворение к сыну, которого она всё продолжала голубить и баловать, как и во дни его колыбельной жизни, и непомерная глухота, вызывающая со стороны этой старой лэди самые странные и неожиданные ошибки.

В эту минуту мать и сын сидят за столом, окончив свой ранний обед, и Мистер Бробити, сложив обе руки в виде слуховой трубы, кричит во все горло, нагибаясь к родительнице.

«Мать, я собираюсь зайти к Сапсеа».

«Звезды и подвязки⁶! – восклицает старая лэди, повторяя любимую поговорку Георгия III⁷, которая оказывается и ее любимым выраженьем. – Звезды и подвязки, Солли, на что тебе льняное семя?»

И нежная мать, не расслышав ответа, смотрит с некоторым беспокойством на сынка, страшась открыть в нём признаки болезни, требующей сего размягчающего лекарства.

«Сапсеа! – ревет Соль. – Я хочу – ид-ти – к Сап-сеа... к Сап-сеа!»

И сделавшись совершенно пунцовым от этих горловых усилий, Мистер Бробити падает на стул в изнеможении.

«К Сапсеа? – повторяет она, высоко подняв руки в неопisanном смятении. – Зачем тебе к Сапсеа? Не довольно ли неприятно уж одно то, что мы живём так близко от него, а ты еще хочешь идти к нему. Не ходи, Солли, мой крошка, верь мне, не ходи!»

⁵ неизведанную землю (лат.).

⁶ Речь идет об ордене Подвязки, высшем рыцарском ордене Великобритании; символами ордена являются церемониальная подвязка и звезда.

⁷ Георг III (1738–1820) – король Великобритании (с 1760 г.).

С великим трудом объясняет ей Соль, что они не были у зятя с тех самых пор, как был окончен памятник Этелинды.

«Правда, Солли, правда. Да немного и вреда вышло от того, что не ходили. Ты сам знаешь, дитя мое, что он обходится с тобою каждый раз, как волк с ягнёнком, и потчует одними неучтивостями. К тому же, он и не желает вовсе видать нас. Нет, не ходи лучше, мой цыплёнок...»

Дальнейшее усилие Соля отвечать родительнице миновало его благополучно, так как оно было прервано лёгким стуком в дверь, за которым стуком последовал ответ Бробити:

«Войдите».

«Это только я, сэр», – проговорила чисто одетая служанка с такими странно заострёнными чертами лица, что становилось совершенно непонятным, как она не обрезает собственных рук, дотрагиваясь ими до физиономии.

«Ну, а что вам нужно, Бритва?» – осведомляется хозяин её, игриво заменяя её крещенное имя этим произведением собственной юмористической фантазии.

«Да вот, сэр, к вам опять пришла та маленькая девочка, что называет вас дядей Содем, и просится в сад», – отвечает Бритва, почтительно ухмыляясь.

«Маленькая Бетси? Хорошо, хорошо. Я сейчас сойду к ней».

И, взяв трость, он отправляется вниз, где ласково приветствует ребёнка.

Старый джентльмен, по примеру других старых и холостых джентльменов, имел свою страстишку. Но эта страсть была самого невинного рода. Соль безумно любил цветы и садоводство. Небольшой, но прелестный сад, который находился за его домом, доставлял ему много приятных часов в жизни и столько лет расцветал он, красуясь на одном из старых Клоистергэмских переулков; прошло столько долгих годов ухода за ним, что «сад Соля» успел войти в традиционную⁸ поговорку между жителями Кафедрального Городка. Не было на двадцать миль кругом более хорошенького сада, как этот сад. Нигде не расцветали деревья и кусты более ранним цветом, как нигде не цвели цветы ярче и душистее, чем в этом «саду Дяди Соля».

Много дней провёл старик в своей жизни, сидя в самом уютном и красивеньком из всех Китайских Киосков⁹, с гордостью поглядывая на своих любимцев и рассчитывая, когда и в какой цвет расцветет то или другое растение под животворящим дыханием Клоистергэмского Солнца. Так сидел он однажды, любуясь своими пышно-цветущими махровыми розами, когда позади его раздался неожиданно нежный, умоляющий детский голос:

«Позвольте мне, сэр, поближе посмотреть на ваши цветочки!»

Бробити, обернувшись, увидел маленькое худенькое создание, которое смотрело на него из-за решетки большими голубыми глазами.

«Войди, войди, моя добрая девочка», – ответил ей добродушный джентльмен, отворяя калитку.

И так, старик и Бетси познакомились и сделали в скором времени большими друзьями. Соль был с первой минуты поражен необыкновенной понятливостью и умственным развитием девочки, и этот заброшенный, в грязных лохмотьях ребёнок непонятным образом сумел очаровать простого, доброго джентльмена. С тех пор они почти ежедневно проводили по несколько часов в саду, она любуясь издали и едва смея прикасаться к этим чудным тюльпанам и розам, он с удивлением прислушиваясь к ее недетским замечаниям.

Поспешив тотчас же войти в сад, Дядя Соль важно обходит свои цветущие гряды, ведя девочку за руку и показывая ей новые появившиеся чудеса растительного царства, распустившиеся за ночь.

«Посмотри-ка, дитя, – говорит Бробити. – Видишь, как эти цветы все распускаются в нашу сторону, как бы предчувствуя, что мы входим всегда по этому направлению, и они хотят приветствовать нас первые?»

---

⁸ традиционную (англ. traditional).

⁹ Речь идет о беседке.

«Да, – отвечает Бетси и, указывая на грядку гвоздик, добавляет. – А замечаете ли вы, как эта гвоздика, самая большая и самая пунцовая из всех, будто кланяется нам и кивает головкой каждый раз, как подует на неё ветер? Может быть, она от радости так и покраснела?»

«Да, приятно видеть все эти хорошенькие лица цветов, – замечает Дядя Соль, – да зато и грустно смотреть на них, думая, как скоро пройдёт вся эта краса, а они поблекнут и умрут в то самое время, как сделаются всего красивее».

Ребенок молчит, как будто что раздумывая, и потом произносит задумчиво:

«Разве все эти цветы умирают именно тогда, как сделаются всего красивее? Что ж, Дядя Соль, об этом нечего так грустить. Оно и лучше так. Подумайте только, когда бы все эти бедные цветочки должны были жить и мучиться до глубокой старости, сделаться морщинистыми, сухими и гадкими, зная, что уж никогда им больше не быть красивыми, и слыша, как другие молодые цветочки смеются над ними? А ведь цветы счастливее людей, Дядя Соль. Я часто молюсь Богу, чтобы он взял меня, пока я еще маленькая, и не засыпаю никогда, чтоб не пожелать умереть далёко, далёко до старости».

«Добрая моя девочка, – говорит ей Соль, – ты еще слишком мала для того, чтобы понимать слово “смерть”. Надеюсь, что ты доживёшь и до старости, не сделаясь хуже от того. Послушай, – продолжает он под влиянием давно запавшей ему в голову мысли, – как ты думаешь, пустит ли тебя твоя бабушка перейти жить к нам?»

«Бабушке-то всё равно будет, да боюсь, что Фопперти будет жаль со мной расстаться».

«А ты сама, Бетси, желала бы с нами жить всегда?»

«О, как желала бы еще! Целые дни сидеть с этими цветочками, ходить за ними, лелеять их», – восклицает ребёнок с внезапной радостью на лице.

«Как ты думаешь, дома ли теперь Фопперти?»

«Он уезжал куда-то на всю прошлую неделю, а теперь, верно, дома».

«Так лучше я сейчас же пойду к твоей бабушке и Фопперти и спрошу их, согласны ли они отдать тебя мне и матери моей на воспитание?»

«Пойдёмте, пойдёмте, Дядя Соль! Я так рада. Только как же я к вам пойду жить?.. Ведь вам стыдно будет видеть меня, – прибавляет она грустно, указывая на свои лохмотья. – Это мое лучшее платье. Только, может, вам и не придётся покупать для меня новое; может, я и этого не изношу; вчера мама моя сказала мне во сне, что скоро я пойду к ней... Дядя Соль, – продолжает она, дотрагиваясь до его руки и смотря на него с каким-то странным выраженьем, – мне кажется, что я, как эти цветочки, не сделаюсь уж никогда лучше и что, как они умирают, сделавшись красивее, чем когда-либо прежде, так и я никогда не стану добрей и лучше и что скоро и мне придётся умереть...»

«Не говори так глупо, дитя, – отвечает ей Бробити, нетерпеливо и невольно прибавляет, чувствуя, что эта девочка сделалась для него дороже прежнего еще. – Разве ты желаешь огорчить Дядю Соля?»

«Нет, нет, – поспешно оправдывается Бетси, которая давно всем сердцем привязалась к ласковому старику, – я не хочу огорчать вас, только я сказала то, что я думаю. Пойдем же к бабушке».

И, оставив сад, они направляются к соседнему переулку и входят вместе в разрушенный дом.

При входе их старая родительница с пучком на голове, еще растрепаннее обыкновенного, поспешно закупоривает бутылку, наполненную жидкостью чрезвычайно подозрительного цвета и еще подозрительнейшего запаха, из которой она с наслаждением пила в ту самую минуту, когда её потревожила растворяющаяся дверь.

Поспешно вскочив на ноги, она ставит бутылку под стол и ныряет к ним навстречу с приятной улыбкой на беззубом лице, хотя Соль ясно расслышал, как она проворчала, увидев их:

«Черт дерн эту девчонку».

«Бабушка, – говорит Бетси, – вот тот Господин, у которого такие хорошенькие цветы. Он хотел сказать вам что-то».

«Добро пожаловать, сэр, – отвечает родительница с таким выражением на лице, что гость поневоле должен принять приветствие за совершенно противное. – Боюсь, что вы найдёте наш

дом менее спокойным, чем вы привыкли. Вас и посадить-то почти некуда», – продолжает она, придвигая к нему стул, напоминающий старого, хромого на обе ноги ветерана.

«Не беспокойтесь за меня, – учтиво отвечает старик, осторожно усаживаясь. – Как поживаете?»

«Окромя ломоты своей, по случаю чего я только что принимала лекарство своё, как вы вошли, слава Богу, чувствую себя довольно здоровой, сэр».

Не зная наверное, благодарила ли почтенная лэди Бога за лекарство или за здоровье, «Дядя Соль» пришел к невольной паузе и не знает, как начать говорить о своём деле.

Так прошло несколько минут на маленьких разбитых стенных часах, которые весело чичикали во время молчанья, как бы радуясь случаю быть услышанными новым гостем.

«Мистрисс Педлар, – начинает, решившись, наконец, Бробити, – надеюсь, что вы не примете в дурную сторону ни моё непрошеное посещение, ни некое предложение, которое я желаю вам сделать. В случае если я должен буду получить отказ, прошу вас не забывать, что я поступаю единственно в виду совершить доброе дело и помочь ближнему. Я сильно привязался к этой девочке, так как я холостой старик и не имею своих детей; состояние моё независимо и Бог послал мне более богатств, чем вам, – не потому, чтобы я заслуживал его более вас, – прибавляет старый джентльмен, спохватившись и боясь, что обидел старуху. – О, нет! Только уж так это как-то случилось помимо моих заслуг, и я задумал себе, что, быть может, с моими средствами я сумею скорее развить воспитанием замеченную мной необычайную понятливость этого ребенка, нежели можете то сделать вы, средства которой ограничен[н]ее».

Мистрисс Педлар не отвечает и только кивает головой, начиная морщиться и кряхтеть. Так как Солю трудно угадать, происходит ли это киванье вследствие молчаливого одобрения или же ломоты, то он и решается продолжать.

«Я считаю лишним исчислять перед вами все выгоды, которые я надеюсь предоставить Бетси с Божией помощью, если вы только мне её отдадите. Надеюсь также, что последнее вполне зависит от вас и от сына вашего. Я прошу у вас позволения законно усыновить её; она станет жить с моей матерью и со мной и будет считаться за родную дочь у нас; добавлю одно: она сама желает этого».

Мистрисс Педлар, которая слушала до того внимательно и бесстрастно, узнав, что маленькая Бетси сама желает оставить её, вдруг раздражается самыми крикливыми рыданиями и воплями, приговаривая, что никто не любит её, бедную старуху, и что она сильно подозревает, что никто никогда и не полюбит!

Хотя Соль Бробити смутно начинает сознавать всю вероятность подобного подозрения, однако же, честное сердце старого джентльмена тронуту и он чувствует себя сконфуженным.

«Какую пользу аль радость, – приговаривает родительница, – принесли мне все мои заботы, все мои мученья и хлопоты об этой девчонке? Работала я как каторжная на цепи для нее, берегла, холила, и для чего всё это, когда она даже не любит меня. Разве не была я для неё и матерью, и о... – старуха чуть не сказала «отцом», но спохватилась вовремя и заменила, – и бабушкой; и вот теперь она бросает меня, не предложив мне даже за все мои труды пятифунтовой бумажки! Горько это, очень горько, сэр, – и вот почему так льются слёзы мои!»

Этот хитрый намёк не пропадает для Мистера Бробити, и он уж готов предложить ей всякие утешенья в этом роде, когда дверь открывается и входит Фопперти.

Он с изумлением глядит на эту странную картину плачущей матери, незнакомого человека и маленькой Бетси, когда последняя бросается к нему на шею и нежно приветствует его.

Бробити, отрекомендовавшись мрачному хозяину, в нескольких словах уведомляет его о цели своего посещения.

Никакое перо не может описать удивленья Фопперти при этом внезапном предложении. Можно было бы сказать, не прибавляя, что глаза его исчезли на целые пять минут и брови положительно решились никогда уж более не приходиться в свое нормальное положение. С великим трудом этот джентльмен собирается с мыслями, чтобы ответить Солю.

«Когда бы вы предложили мне это, – говорит он, – двадцать четыре часа тому назад, то я прямо-прямохонько отвечал бы вам “нет” и почёл бы себя правым. Но сегодня ветер подул с

другой стороны, и хоть я и не могу согласиться еще разом, но – подумаю и отвечу вам через несколько дней».

«Я и сам предпочитаю, чтобы вы подумали об этом серьезнее, – говорит Дядя Соль. – Когда решитесь, тогда и дайте мне знать».

Старуха, перед глазами которой ясно рисовались приятные миражи в виде пятифунтовых билетов, заранее превращающихся в ее игривом воображении в различные полезные бутылки с «лекарством», заметив, что Фопперти и не думает упоминать о вознаграждении, считает священным долгом вмешаться в разговор.

«Конечно, Фопперти, – невинно замечает она, – что если мы отдадим Бетси, то было бы не лишним скрепить уговор тут же на месте несколькими фунтами задатка. Оно и лучше будет для самого джентльмена и для нас, которые столько поистратились для чужого ребёнка», – и эта престарелая дипломатка крепко моргает на Фопперти, как бы подсказывая ему роль.

Но почтительный сын только искоса взглядывает на неё и так же почтительно отвечает:

«Не торопитесь так, matka, выставлять перед чужими, что вашему мозгу не перевесит и выведенного яйца. Это всякий приметит и без вывески, – и, обращаясь снова к Бробити, говорит. – Если бы вы осмелились мне предложить денег за Бетси, то недолго бы я стал разговаривать с вами. Я слишком люблю девочку, чтобы согласиться продать её. Но я сам думаю, что ей будет лучше у вас, чем у нас», – и Фопперти грустно взглядывает на Бетси.

«Быть может, сэр, – продолжает Фопперти, – лучше вам знать наперёд, как стоит всё дело. Бетси мне не родная. Мать давно умерла и отец... Нет, лучше и не говорить про отца, он об ней и не вспомнит, я думаю. Если хотите принять девочку за дочь, берите её, я не имею на неё никакого права; одно прошу у вас, позвольте мне иногда навещать её».

«Я желал бы знать еще одно, – замечает Бробити. – Далёко ли отсюда живёт отец её?»

«Этого не могу вам сказать, не имея на то права. Знайте одно: живёт он не за горами».

«Как вы полагаете, потребует ли он её когда?»

«Трудно поверить тому с его стороны. Я упомянул об нём не потому, чтобы думал, что это случится, а только потому, чтобы знали, что есть у ней отец».

Тут Мистрисс Педлар, выждав удобную минуту, делает новую вылазку на неприятеля и замечает, что, по ее мнению, самой действительной из всех предохранительных мер против такой случайности было бы заплатить джентльмену двадцать или тридцать фунтов и получить расписку от них в доказательство законного его владения девочкой.

Но эта предохранительная мера не была встречена с тем восторгом, которого вполне заслуживала, и Фопперти снова заметил ей, что ее черёд рассуждать наступит, когда её вызовут, – пораженная со всех сторон, родительница принуждена¹⁰ отступить с уроном.

«Что ж, мой добрый друг, – заметил после нескольких минут размышления Бробити, – я рискну, во всяком случае; надеюсь искренно, что отцу ее никогда не вздумается отнять у меня ребёнка. Что касается до вас, то вы всегда и во всякое время можете рассчитывать быть принятым с величайшим радушием в моём доме».

«Когда хотели бы вы её взять, сэр? – спрашивает Фопперти, угрюмо отвернув голову и не смотря на него. – Уж если расставаться с нею, так лучше окончить это дело разом».

«Чем скорей, тем лучше. Я сейчас же отправлюсь домой и предупрежу мать мою обо всём и позабочусь вместе с тем, чтобы всё было готово к ее приходу».

«Ладно, сэр; я приведу её сам перед вечером».

Бетси, которая не спускала всё время глаз с Фопперти, поняла инстинктивно, как горько было ему отдавать её в чужой дом. Губы девочки задрожали и крупные слёзы покатались по бледным щечкам. Заметив это, Фопперти, быстро нагнувшись к ней и глядя по голове, спрашивает ребёнка:

«Разве ты не хочешь идти к джентльмену, Бетси?»

«Нет, хочу, Фопперти. Только мне и тебя очень-очень жалко. Ты был добрым и ласковым со мной, мой дорогой Фопперти, и я тебя никогда, никогда не забуду!» – и, окончательно разрыдавшись, девочка повисла на шее у него.

---

¹⁰ Далее зачеркнуто: *была*.

Чтобы скорее прекратить эту сцену, добрейший старый джентльмен, распрощавшись со всеми, почтительно уходит, захватив в сжатые губы один из концов упрямых бакенбардов, который с таким упорством щекотал ему последние минуты, что у него даже выступили слезы на глазах от этого неприятного ощущения.

Родительница, не находя исхода для своей ярости, заснула на стуле вследствие огорчения и сильного приема лекарств до прихода гостей, и, испуская тяжёлое прерывистое храпение, губы ее бормочут в самом сне:

«Двадцать *фунтов*... оно лучше бы...»